

ЗАБЫТАЯ СТРОКА БИОГРАФИИ

СВЁЛ нас с Сергеем Чухиным воспитый Николай Рубцовым Липин Бор: «Где только ветер, снежный ветер заводит с хвоей вечный спор». А точнее — редактор возрождённой районной газеты «Волна» Василий Елесин, собиравший в свой коллектив подающих надежду и уже талантливых ребят со всей области.

Не знаю точно, но думаю, с подачи Николая Рубцова, который был дружен, как с Елесиным, так и Чухиным, Сергей, перейдя с очного отделения Литинститута на заочное, приехал в Липин Бор работать радио-организатором. Меня с восемью классами образования и несколькими написанными рассказами В.Д. Елесин принял на освободившееся место литературным сотрудником. Так мы и оказались в одной редакции. Почему-то нигде не нашёл я в биографиях поэта этой страницы его жизни. Есть Вологодский пединститут, есть Литературный, есть Грязовец, «Вологодский комсомолец». Но ни слова о Липиноме Боре.

Я не могу сказать, что мы с Сергеем были друзьями. Теперь, по прошествии почти полувека, не припомню, чтобы в Липиноме Бору он вообще с кем-то дружил. Сергей по натуре своей был одинок, жил наедине со своими мыслями, чувствами, переживаниями и кого бы то ни было, не хотел впускать в это своё одиночество. У него со всеми были просто ровные отношения. Вот и я не хочу называть то состояние дружбой, чтобы не уподобляться тысячам тех, кто когда-то где-то вместе с великими был в одной компании.

С Сергеем Чухиным мы просто вместе работали, вместе жили, проводили выходные.

Сначала мы делили редакционный диван, что стоял в нашем кабинете. Люди постарше помнят такие, с откидными валиками и снимающейся спинкой. Поскольку я вырос длинным, а Сергей был небольшого роста, он великодушно уступал мне собственно диван, на который я укладывал в изголовье старые подшивки газет, чтобы сделать поверхность горизонтальной, а Сергей ложился на снятую и уложенную на стулья спинку.

Потом с чьей-то подачи сжалась над нами жившая в собственном доме неподалёку от редакции мать-одинокка и выделила нам комнатку в надежде, что мы окажем благотворное влияние на её сына-лоботряса. Умещались в том закутке узенькая кровать с пружинной сеткой да раскладушка. И снова Сергей молча уступил мне более комфортное ложе, чтобы не свисали с раскладушки мои длинные ноги. За эту комнатушку и завтрак, состоявший из чая с чёрным хлебом и маргарином, мы платили

С. Чухин и Л. Иванов

по 15 рублей и радовались новым условиям.

На выходные частенько уезжали на мотоцикле к моей матери за 50 километров, наслаждаться настоящей деревенской едой и отпиваться молоком. А ещё у нас дома была на берегу омула баня по-чёрному, в которой мы отпаривали и отмывали недельную грязь.

Но не из-за этой бани, молока, наваристых щей, тушёной с мясом картошки и забористого домашнего пива ездил со мной Сергей к моей матери, где помогал мне делать что-то по хозяйству, поскольку отец мой умер, когда я учился в пятом классе, а по дому мужская работа всегда находилась. В первую же поездку Сергей был очарован местной красавицей, на следующий день написал для неё стихотворение, которое я потом так нигде и не видел опубликованным.

При всей своей скромности иногда, после стакана портвейна, был он значительно смелее обычного и не стеснялся произвести впечатление. В одну из поездок ко мне в деревню, обратно мы возвращались кружным путём через Белозерск. Там у нас до отправления грузотакси, которые в те времена заменяли автобусы на линии Белозерск — Липин Бор, было часа три свободного времени. Денег оставалось в обрез, тем не менее, мы распили бутылочку портвейна и зашли в книжный магазин. У Сергея как раз вышла первая книга стихов «Горница». Несколько экземпляров оказалось и в том магазине. Сергей купил все, одну тут же подарил симпатичной продавщице, спросив имя и сделав какую-то запись.

Потом походил вдоль полок и вдруг за-

кричал: «Лёнька, да тут и твоя книга тоже есть» и подал мне книгу омского писателя Леонида Иванова. Она была в одном экземпляре, благо — без фотографии автора, поэтому помогла произвести на продавщицу большой фурор: сразу два писателя, один молодой, а второй вообще юный, и уже книги выпустили. Засомневалась девушка, но мы с важным видом показали свои редакционные удостоверения и ушли под её восхищённые взгляды. А в кармане оставалось чуть больше рубля. Только на дорогу. И повёл меня Сергей в редакцию. Там быстро наступал на машинке несколько страниц своих стихов, тут же авансом получил за них гонорар, и мы стали кум королю.

Позднее он со смехом вспоминал это приключение. Кстати, иронизировал он не только над собой, но и над другими, сочинял к праздникам шуточные стихи, писал эпиграммы. Одним из таких было «День полочки в редакции», где каждому отводилось по его заслугам. О себе он писал:

Лесники прибежали за помощью —
Кто-то сосен в бору навалил.
Это Чухин Сергей тёмной полночью
От сельмага дорогу торил.

Вечерами, ещё когда мы жили в кабинете редакции, я учился печатать на машинке, а Сергей, предварительно плеснув в стакан портвейна, уходил гулять по парку, на окраине которого располагалась редакция. Парком местные называли большой сосновый бор в самом сердце райцентра. Погуляв пару часов по тропинкам, Сергей возвращался в кабинет, садился за стол, набрасывал новое стихотворение и складывал его в

ящик, где лежало несколько десятков таких же незаконченных. Спустя пару недель он выбирал какой-то текст и начинал над ним работать, меняя рифму и даже целые строки и строфы. И эта работа над словом была для меня наглядным уроком, которому следовало учиться.

Сергей был старше меня на пять лет, да ещё настоящий поэт, учился в Литературном институте, был другом Николая Рубцова (кстати, дружбой с кем бы то ни было Сергей никогда не бравировал), поэтому я ловил каждое его слово, учился на ходу, и с гордостью могу говорить, что мне несказанно повезло, что в моей жизни встретились Василий Елесин, Сергей Чухин, мои немногим старше меня коллеги по редакции — Владимир Чухин, Виктор Фофанов, Адольф Алексеев.

Потом Сергей уехал из Липина Бора, я ушёл служить в армию. Мы время от времени виделись в Вологде, куда я часто приезжал на съёмки, работая на Череповецкой студии телевидения. В редакции газеты «Вологодский комсомолец» он подарил мне один из своих сборников на память о жизни в Липиноме Бору.

В 1984 году мне предложили работу в Тюмени, и я уехал туда, а спустя год я узнал о трагической гибели Сергея. Его сборники стихов стоят у меня в шкафу, время от времени я перечитываю их, вспоминая свою юность и тех, с кем свела меня судьба. А о поэзии Сергея Чухина и Николая Рубцова часто рассказываю на встречах с читателями, декламирую им любимые стихи.

Леонид ИВАНОВ,
член Союза писателей России,
руководитель Тюменской областной
организации Союза писателей России

МНЕ ЛЮБО ВСЁ

На родине мне любо всё:
И речки неглубокая водица,
Где только рыбной мелочи водиться,
И где со дна чернеет колесо.
Люблю на родине я дождь.
А непричесанное поле,
Где в осень отбурела рожь,
До слез меня шетиной колет.
Когда густая ночь идет на убыль —
Ведь это тоже надобно понять! —
Ночная темь ползет в печные трубы,
Чтоб на закате выглянуть опять.
Утрами синими под воркованье горлиц
Хмельть и петь бываю страшно рад,
Когда березы, что белее звонниц,
О мае в небесах колоколят.

Сергей ЧУХИН

1968